

Надежда Волгина

В АД С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

16+

Вечная любовь

Надежда Волгина

В ад с чистой совестью

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Волгина Н.

В ад с чистой совестью / Н. Волгина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Вечная любовь)

«- Ты должна найти клад. - Клад?! Ушам своим не поверила. И он туда же! Неужели кладоискательство в поселке так заразно, что даже призраки не остались в стороне? И зачем он ему, клад-то? Хочет забрать с собой на небеса?» Кто из нас не мечтал найти сокровища? Какой-нибудь древний клад, окутанный аурой тайны и мистики... Отправившись в маленький горный поселок, Софья надеялась на тишину и покой, и уж точно никак не подозревала, что ей предстоит стать кладоискательницей. Вот только искать сокровища в компании деспотичного призрака – удовольствие сомнительное.

– Почти пришли.

– Что-то я не вижу ни одного дома.

Минут пятнадцать мы уже петляли между деревьями. Поселок остался позади. Агент весь взмок и тяжело отдувался, вытирая платком пот со лба. Еще бы! Такая жара. Мне было еще хуже – приходилось тащить за собой чемодан. От колесиков на неровной тропинке толку мало, они все время цеплялись за выступающие из земли корни, отчего чемодан опрокидывался набок.

– Сейчас повернем, увидите. Здесь вам точно никто не помешает. Место уединенное. Из-за этого дом снимают редко. – Агент уже с трудом дышал. Слова выдавал порционно с перерывом на передышку.

– А жить-то там можно?

Что-то затея с домом на отшибе нравилась мне все меньше и меньше. Поначиталась романов о писательской кухне, как они уединяются, чтобы творить в свое удовольствие, и решила последовать их примеру. Уехала от дома за две тысячи километров. Спрашивается, зачем? Чтобы удовлетворить свой каприз. Идея начать писать роман, вообще стать писательницей, иначе, чем капризом, сейчас мне не казалась. Тоже мне творец!

– Не переживайте. Хоть дому и больше ста лет, оборудован он на совесть. Все есть – холодная и горячая вода, канализация, отопление... Хотя, отопление вам точно не понадобится. – Агент натужно рассмеялся.

Тропинка резко оборвалась. За часто растущими деревьями я сначала не разглядела поле и гору, а, увидев, стала, как вкопанная, не в силах оторвать взгляд от открывшейся картины. Горы... Как я мечтала побывать поблизости от них. Часто грезила этим. Другие хотят отдохнуть на морском побережье, послушать крик чаек, а я всегда мечтала оказаться рядом с этими манящими исполинами. И вот мечта сбылась. Огромная гора с вершиной, теряющейся в облаках, казалась совсем рядом. На самом деле не менее чем на километр перед ней раскинулось поле, заросшее луговыми травами и цветами. И даже на таком расстоянии видны растущие на горе деревья и кустарники, и слышно, как у подножья плещется река, которая не просматривалась с такого расстояния.

– Как красиво!

Это оказалось лучше, чем в моих фантазиях, где картинка рисовалась нечеткая, словно смазанная.

– Успеете еще налюбоваться, – равнодушно произнес агент, удаляясь влево, вдоль кромки поля.

Кошунственное равнодушие! Как можно не замечать подобной красоты? Хотя, возможно если бы я родилась и выросла в этих местах, все время видела перед собой горы, тоже постепенно перестала бы замечать, насколько они величественны.

– Пришли.

Я не заметила, как мы подошли к маленькому домику с небольшим приусадебным участком, густо заросшим травой. Возле калитки в ярко-выкрашенном деревянном заборе притулилась лавочка, словно специально, чтобы сидеть на ней и любоваться горами.

Агент отодвинул щеколду на калитке и нырнул в спасительную прохладу деревьев, растущих вдоль дорожки к дому. Кроме щеколды, никаких других запоров я не заметила. Видно место здесь достаточно спокойное, раз даже на приличном расстоянии от поселка никаких особенных мер безопасности не предусмотрено. Оставалось надеяться, что дом закрывается более надежно, чем калитка. Не привыкла я к такой беспечности, живя в большом городе с не очень спокойной криминальной обстановкой.

В дом вело крыльцо из двух ступеней и железная дверь. Надежный вид замка и ключа меня особенно порадовал. Да, и дверь выглядела достаточно прочной.

– Ну, вот. Устраивайтесь тут. – Агент вручил мне ключи и с явным облегчением улыбнулся. – Надеюсь, вам будет уютно. Ах, да! Теплые вещи-то прихватили с собой?

Из теплых вещей у меня имелся только толстый свитер, который я сунула в чемодан в последний момент, на всякий случай. Направляясь на юг в середине июля, я не думала о холоде. Скорее планировала погреть косточки на жарком солнышке.

– А что, тут может похолодать?

– Это же горы, девушка! – Лицо у агента стало такое, словно я сморозила явную чушь. – Как только солнце начинает садиться, с гор спускается холодный воздух. Климат здесь у нас скорее континентальный в суточном масштабе, чем южный. Кроме того, если зарядит дождь, то дней на пять, не меньше. А в дождь у нас тоже холодно.

Наверное, я выглядела настолько удивленной или испуганной, что он поспешил успокоить:

– Не переживайте, в доме вы не замерзнете. Растопите камин в гостиной. Да, и вряд ли в скором времени будут дожди. Пока ничего не предвещает...

Проводив агента и закрыв за ним дверь на замок, я решила обойти свои новые владения.

Дом делился на три комнаты. Первой, куда вела входная дверь, являлась кухня тире сени. Здесь имелось все необходимое для готовки и трапезы. Особенно мне понравился круглый стол посередине. Из сеней вели две двери: в небольшую спальню с огромной кроватью и уютную гостиную с мебелью, выполненной под старину, камином и пушистым ковром под ногами. Между спальней и гостиной тоже была дверь, чтобы не ходить все время через кухню.

Замечательный дом! Ничего лишнего, только самое необходимое для создания уюта. Я рада, что сняла именно его. Все-таки провести здесь мне предстоит полтора месяца. Пока... А потом все будет зависеть от моей плодотворности, как будет продвигаться работа над романом.

Несмотря на то, что сейчас идея стать писательницей казалась немного дикой, загорелась я ей неслабо, и случилось это не так давно. Никогда раньше не пробовала писать. Вернее, писала, конечно, в силу того, что работала преподавателем русского языка и литературы, а до этого училась на филфаке. Но, все это было вынужденно и не отличалось объемом.

Началось все не так, как начинается у нормальных людей. У меня первичным стало недовольство именем и фамилией, а вернее их сочетанием. София Павловна Масленина! Разве это нормальное имя? В детстве меня все звали Сонечка или Соня, как тех, кто все время хочет спать. В школе стали дразнить по фамилии – Масленкой. А в университете и того хуже, самые сообразительные, коих немало, при виде меня принимались напевать пошленькую песенку: «Софочка, София Паловна! София Паловна наш персик наливной!..» Вот меня все и достало. Конечно, принятию решения поспособствовал и отец.

– София, – Он всегда меня называл только так, зная, как мне не нравится имя Соня, – какая необходимость тебе горбатиться в школе? – говорил он. – Разве для этого ты заканчивала филфак?

– Пап, преподаватель – моя специальность, – отвечала я.

– Но не призвание, – настаивал он. – В деньгах ты не нуждаешься. Да и какие деньги у учителя? Я считаю, что ты попусту растрачиваешь свою жизнь.

В деньгах я правда не нуждалась. Фирма отца приносила огромный доход. По его словам, отложенных денег должно хватить моим правнукам. Если я в чем-то и нуждалась, так это в матери или просто в женском участии в моем воспитании. Мама умерла, когда я была совсем маленькая. После этого отец больше не женился. Я даже не уверена, что он встречается с женщинами. По крайней мере, в дом их не водит. Если и видится, то где-то за пределами дома.

Так как отец не уставал заводить разговоры на эту тему, а я привыкла с уважением относиться к его мнению, мысль поменять работу учителя на что-нибудь другое постепенно прочно обосновалась в голове. Главную роль сыграло решение сменить имя, вернее взять псевдоним. Из Софии Маслениной я превратилась в Анфису Маслову. А потом уже пришло решение написать детективный роман. Вот так в двадцать восемь лет я заделалась начинающим писателем.

Отец не сказал и не сделал ничего, чтобы отговорить меня, когда я сообщила ему о решении снять домик в горах для творческого уединения. Он только велел открыть счет, куда сможет перечислять регулярно деньги, и звонить каждый день.

В Пятигорске я была однажды в детстве. Отец поправлял здоровье минеральными водами, и я отдыхала с ним за компанию. Тогда мы ездили на экскурсию в Домбай. Первый раз увидела горы так близко и полюбила их на всю жизнь. Когда стал вопрос о выборе места для творчества, сразу решила, что отправлюсь именно сюда, в Домбай. Другие варианты даже не рассматривались. И я не пожалела: все оказалось таким, как в моих фантазиях – и дом, и горы, и воздух...

Рабочее место я решила оборудовать в гостиной. На журнальный столик установила ноутбук. Придвинув кресло, попробовала, удобно ли будет печатать. В меру мягкое оно приняло меня, как родное. В нем будет удобно за работой и просто расслабиться, откинувшись на спинку.

Время близилось к вечеру. Начать работать решила с утра, как говорится, с чистого листа. А сейчас следовало позаботиться об ужине. Кроме раннего завтрака, перед выездом в аэропорт, во рту у меня не было ни крошки, не считая того, что предлагали в самолете, и что выглядело совершенно несъедобным.

Обследовав все ящики на кухне, я убедилась, что продуктов в них нет. Конечно, кто же сдает дом с продуктами? У нас в стране сервис еще не развит до таких масштабов. Значит, нужно идти в магазин. О, боги! А магазин-то в поселке. Ну, почему не купила все сразу, по пути сюда? Хотя, как бы я это сделала? Попросила бы агента подождать, пока быстренько пробежусь по супермаркету? А потом бы еще тащила продукты плюс к чемодану?

Повозившись немного с замком, я, наконец, заперла дверь и направилась в сторону поселка, продуктов следовало закупить на неделю вперед.

Не знаю, когда с гор спускается холод, но пока я изнывала от жары. Даже в тени деревьев намного легче не становилось. Воздух стоял, пропитанный душной влагой, как в бане. Я вся взмокла, пока добралась до ближайшего магазина. Им оказался небольшой павильончик с улыбчивой продавщицей и радостно гудевшим кондиционером.

– Вы сняли домик на отшибе? – ошарашила меня девушка.

Откуда она может знать? Хоть поселок и маленький, но курорт-то большой. Насколько знаю, здесь обычно толпы туристов тусуются. Хотя, летом, наверное, не сезон, все-таки курорт горнолыжный.

– Мне дядя рассказал, – улыбнулась девушка. – И я видела, как он встречал вас на станции.

Вот, значит, как? Все тайное быстро становится явным. Зато, так, наверное, безопаснее, не затеряешься в незнакомой местности, хоть кто-то, да вспомнит о тебе.

– Этот дом – один из самых старых в поселке, – просвещала меня девушка, пока я складывала продукты в пакеты. – Говорят, что первый его хозяин не отличался общительностью. Он и построил его подальше от всех, чтобы как можно реже встречаться с поселковыми. Вроде как он был кем-то типа геолога или археолога, я в этом не разбираюсь. Все время лазил по горам...

Выходила из магазина я гораздо более подкованная теоретически. За короткий промежуток времени девушка умудрилась выдать огромный объем информации о поселке, его жителях, обычаях. Я узнала, что зовут ее Вероника и живет она в доме на две семьи недалеко от магазина, что магазин этот открыл ее отец, что ее бабушка печет очень вкусные хлебные лепешки, которые продаются у них же в магазине. А еще я узнала, что каждый уважающий себя мужчина в поселке ищет пиратский клад. Причем искать его они начинают, как только становятся уважающими себя мужчинами, то бишь лет с тринадцати. Эта история особенно повеселила меня. Интересно, откуда в горах может быть пиратский клад? На мой вопрос разговорчивая Вероника ответить не смогла, наверное, не видела в этом ничего особенного. Для меня же пираты ассоциировались больше с морем. А еще я узнала, что поселок уже очень старый, и в нем живут настоящие долгожители – горцы. Одной старушке сто двадцать лет, а она продолжает давать интервью журналистам и телевизионщикам. В общем, с таким арсеналом краеведческих знаний работать бы Веронике гидом, а не продавцом.

С покупкой продуктов я как-то переборщила. Через каждые сто метров приходилось делать передышку, опускать два тяжелых пакета на землю под каким-нибудь деревом и приваливаться к его шершавой и прохладной коре. В такие моменты вспоминалась моя машина, сиротливо стоящая в гараже. Я прочувствовала всю пользу личного автотранспорта даже в таком незатейливом мероприятии, как покупка продуктов.

Настоящее удовлетворение получила, когда рассматривала заполненные продуктами кухонные шкафчики. Я даже прикупила две бутылки местного столового вина, одну из которых сразу же открыла и наполнила пузатый бокал. Так делают все писатели, я видела по телевизору.

Кстати, что такое вечер в горах я тоже прочувствовала. Хотя на улице еще было светло, но солнце уже спряталось за горные вершины. Казалось, оно забрало все тепло, высвобождая из дневного плена холодный воздух. На обратном пути я умудрилась изрядно промерзнуть. Еще и поэтому вино оказалось как нельзя кстати.

В дом пока не проникла вечерняя прохлада, но следовало затопить камин. А еще можно закутаться в плед, который я обнаружила в бельевом шкафу, как только распаковала вещи, и посидеть в кресле, посмотреть на пламя, или почитать книгу, или просто помечтать...

Так, фантазируя, с бокалом вина, я направилась в гостиную и в первый момент чуть не умерла от страха, увидев в том самом кресле возле камина совершенно незнакомого мужчину.

Я так испугалась, что рука с бокалом мелко задрожала, расплескивая бордовую жидкость. Как я могла не заметить, что кто-то вошел в дом? И почему забыла запереть дверь? Эти вопросы промелькнули в голове, хотя в тот момент страх парализовал меня целиком. Единственное, к чему стремилась, – устоять, не упасть в обморок. Чувствовала, как ноги становятся все более ватными.

– По-моему, вам лучше присесть, – без тени улыбки, холодно и отстраненно произнес мужчина. Он жестом указал на кресло напротив того, что занял сам.

Ведомая шестым чувством, без намека на разумные мысли, я опустилась в кресло.

– Выпейте, если не хотите раздавить бокал пальцами. – Он кивнул на бокал с вином.

Только тут я сообразила, что вцепилась в него, как в орудие самообороны, словно это был щит, а не хрупкое стекло.

Он рассматривал меня холодными серыми глазами, как раздавленную муху на стекле, и рот его презрительно кривился. Я почему-то смотрела на его давно нечесанные черные волосы, свисающие до плеч.

Я поднесла бокал к губам и уперлась им в сползшие с переносицы очки. Только тогда догадалась поставить бокал на журнальный столик, возле ноутбука, а потом поправила очки.

– А вы кто? – задала глупый вопрос, как будто это имело какое-то значение. Гораздо больше меня интересовало, что он тут делает, но спросить об этом побоялась.

Все то же шестое чувство подсказало, что вреда он мне не причинит, страх постепенно начал отступать. Ему на смену закрадывалось раздражение, что кто-то посмел нарушить мое творческое уединение, да еще и таким наглым образом.

– Наблюдатель.

– В каком смысле?

– Что тут непонятного? – Его губы презрительно изогнулись. Он в раздражении повел плечами.

Только тут я обратила внимание, что одет он в длинный темный плащ, из-под которого выглядывают носки заляпанных грязью сапог. Я перевела взгляд на свои ноги в мягких домашних тапочках, утопающих в пушистом ковре, и еще больше разозлилась, что он топчет мой ковер грязными ногами.

– Могли бы разуться.

– Что? – От удивления он на мгновение сбросил маску презрения и непонимающе уставился на меня.

– Вы пачкаете ковер.

– Ах это? – Он посмотрел на свои ноги и переступил ими в другое место. Вмятин на ковре не осталось, и следов грязи я тоже не заметила.

– Да что вам тут нужно?! – Наконец-то меня прорвало. – И как вы сюда проникли?

Через окно. Точно! Он забрался сюда через окно. Как же я раньше не догадалась? Я кинула взгляд на пластиковое окно, оно оказалось наглухо закрыто изнутри.

Видно, разочарование так отчетливо проступило на моем лице, что мужчина громко рассмеялся. В этот момент он напомнил злодея из фильма ужасов и снова перестал казаться безопасным.

– Хоть и глуповата с виду, а мыслишь правильно, – отсмеявшись, сказал он. – Окно тут не при чем. Я вошел через дверь.

– Зачем?

Неизвестно почему, но его «глуповата» задело меня за живое. Так еще никто не говорил обо мне. Напротив, многие считали меня умной, как и сама я, собственно.

– Ну, во-первых, это мой дом. – Он окинул комнату взглядом. – А во-вторых, ты нужна мне для одного важного дела.

– Какого? – спросила я, а сама подумала, как этот дом может принадлежать кому-то, если в нем давно уже никто не живет, и почему агент по недвижимости не предупредил, что может объявиться хозяин. – Вы хотите, чтобы я съехала? – Вопрос вырвался, как продолжение мыслей.

– Удивительная непоследовательность. – Он в раздражении отвернулся и уставился в окно. – Как она может помочь мне, если с трудом соображает?

Я так поняла, что спрашивал он сейчас самого себя. Обвинение в туподумии было таким обидным, что я едва не расплакалась.

– Тогда, идите отсюда, чего расселись? – выкрикнула я. – Или, если хотите, уйду я. Дом-то ваш.

– Не горячитесь, девушка. – Он поднял руку в стремлении успокоить меня. – Я не гоню вас. Дом для жизни мне не нужен. Мне нужны вы. Хотя... сейчас я в этом уже не уверен.

Мужчина встал с кресла, продемонстрировав мне высоченный рост. Он направился к выходу, снисходительно бросив:

– Мне нужно подумать.

Я осталась сидеть в гостиной, не шевелясь, пока не услышала, как хлопнула входная дверь. Только тогда резко сорвалась с места, выбежала в кухню и закрыла дверь на замок. Какое-то время стояла, прижавшись спиной к двери, и прислушивалась к тишине.

Что за идиот?! Врывается в дом, оскорбляет по-всякому и уходит.

Ноги мелко дрожали. Оказывается, испугалась я гораздо сильнее, чем думала сначала.

Я рванула обратно в комнату и залпом осушила бокал, сиротливо стоящий на журнальном столике. К креслу, в котором сидел незнакомец, старалась не приближаться.

Что-то в недавнем госте меня напугало. То ли внешность – чересчур угрюмая, то ли то, как он по-хамски вел себя. А может, его обещание вернуться. Неужели он думает, что может приходить сюда, когда заблагорассудится? Черта с два! А я вот возьму и не впущу его в следующий раз, если, конечно, он будет. Не станет же он выламывать дверь? А если станет? В голову закралась мысль, что он психически ненормальный, а я поселилась так далеко от поселка. Что если меня убьют, и никто об этом не узнает? В панике я выбежала в кухню, налила полный бокал вина и выпила его залпом. Только почувствовав легкое опьянение, немного успокоилась и решила выглянуть в сад, все еще опасаясь, что незнакомец может находиться там.

Окутанная сумерками природа готовилась ко сну. Даже птицы и те угомонились. Только сверчок уютно трещал, спрятавшись где-то в кустах.

Захотелось выйти и посидеть на лавочке, за калиткой. Я уже забыла, что собиралась растопить камин и почитать или помечтать перед ним. Для восстановления душевного равновесия требовались эмоции посильнее.

Надев свитер и теплые носки, и, прихватив плед, я крадучись, вышла за дверь. Сразу же почувствовала, как похолодало на улице. Зря я с недоверием отнеслась к словам агента, одного свитера будет явно маловато. Придется прикупить еще теплых вещей. И сделать это нужно завтра, не откладывая в долгий ящик.

Укутавшись как следует в плед, я устроилась на лавочке и воззрилась на горы. Красота! Во всей своей первозданности. Здесь нет искусственности, как в том мире, где мы живем. Сюда еще не добралась научно-техническая революция до такой степени, чтобы изменить внешний вид. Конечно, люди понастроили отелей, проложили канатную дорогу, принимают толпы туристов... Но отсюда мне всего этого не было видно. Горы такие, какими создала их природа, как выглядели они тысячи лет назад.

Я любовалась живописной картинкой, пока окончательно не стемнело, и я уже ничего не могла разглядеть, кроме травы под ногами. Собираясь встать с лавки и перебраться в тепло, внезапно услышала какой-то звук. Не сразу сообразила, что такой едва различимый хруст может раздаваться, если кто-то идет по примятой траве, периодически наступая на сухие ветки.

Первой мыслью была, что мне опять собирается нанести визит незнакомец. Я уже вскочила с лавки, чтобы бежать в дом и запереть входную дверь, как услышала:

– Черт, напугали!

Говорил мужчина, которого я никак не могла рассмотреть в темноте. Одно поняла, что это не недавний гость, у говорившего голос был мягче и выше.

– Не знал, что здесь кто-то поселился, – снова произнес мужчина и подошел немного ближе.

Единственное, что удалось понять, так это то, что он еще молодой.

– А... а вы кто?

Наверное, сегодня был день глупых вопросов, потому что ничего умнее я не смогла придумать.

– Наверное, сосед, если вы живете в этом доме.

Я поняла, что мужчина улыбается.

– Живу. Вернее, заехала только сегодня. А вы из поселка?

Уже достаточно поздно. Зачем он околачивается возле моего дома в такое время? Может, тоже, бандит какой-то? Незаметно для самой себя недавнего странного визитера я отнесла к категории бандитов.

– Из него самого. Только живу на отшибе.

Я никак не могла разглядеть собеседника. Одно успокаивало, что голос его звучал миролюбиво, без тени агрессии.

Стоп! Он сказал, что живет на отшибе. Это где еще?

– Хотите сказать, что живете где-то рядом?

– Да вот, через сто метров мой дом.

Интересно, почему агент не предупредил, что рядом еще есть дома? Наверное, побоялся, что я откажусь снимать этот.

– Значит, мы соседи? – Не могла определить, радует ли меня этот факт, или лишает долгожданного уединения?

Очень некстати вспомнился визитер и то, как он нагло и по-хозяйски вел себя. Все-таки я рада, что рядом есть люди, в случае чего будет к кому обратиться.

– А что, у вас в поселке принято без приглашения наносить визиты? – поинтересовалась я, тщетно пытаюсь разглядеть лицо собеседника.

– В каком смысле? – Его голос прозвучал удивленно.

– В смысле, что недавно у меня в гостях побывал мужчина, которого я не приглашала. Он решил, что вправе нагло проникнуть в дом, на правах лишь того, что является его хозяином.

– Ничего не понял. Какой хозяин, какого дома? – Мужчина был явно озадачен. – Имеете в виду этот дом?

– Ну, какой же еще?

Он тугодум? Меня начинали раздражать глупые вопросы. Не иначе, как сегодня не только у меня вечер глупых вопросов.

– Не думаю, что тут так много домов, которые сдаются в аренду. – Я старалась говорить спокойно, хоть чувствовала, как внутри закипаю от непонятного раздражения.

– В этой части поселка всего два дома – этот и мой. Только, у этого дома нет хозяина. Последний умер более ста лет назад. Дом потом пустовал длительное время, пока его не прибрало к рукам риэлтерское агентство, отремонтировало и начало сдавать...

По моей спине пробежал противный холодок, заставив вздрогнуть и плотнее закутаться в шаль. У них принято так шутить? Странное чувство юмора...

– А как он выглядел? – спросил мужчина.

– Кто? Ах да... да, ничего особенного. Такой высокий, лохматый и злой... в грязных сапогах, – вспомнила я, как посетитель топтал ковер. – Где только умудрился грязь найти в такую жару?

– Под ваше описание попадает половина поселка. Что-нибудь особенное в его внешности не заметили?

– Ничего особенного... Обычный грубиян.

Я попыталась представить себе его снова и поняла, что от страха не запомнила, как он выглядит. Помню только темно-серые, почти черные, глаза с нехорошим прищуром... Что-то еще было в его внешности, что не давало покоя, но никак не вспоминалось.

– Вспомнила! – внезапно осенило меня. – У него одна прядь в волосах была совершенно седая!

Я рассчитывала получить ответ, узнать, кто это приходил ко мне. Но видно, собеседник думал иначе, ответом была тишина. Мне даже показалось, что он просто на просто ушел, пока я распиналась.

Я уже собиралась вернуться в дом, когда раздался его голос:

– Запирайте дверь как следует, чтобы избежать непрошенных гостей.

Как-то слишком равнодушно он это произнес. Я бы даже сказала, нарочито равнодушно. Он, словно хотел поскорее от меня избавиться. Это задело за живое.

– И это все, что вы можете сказать? – Мне было обидно до глубины души за подобное пренебрежение. – Не скажете, кто это был?

– Я не знаю. Не припомню никого, кто бы так выглядел.

Все то же равнодушие в голосе. Собственно, чего я к нему пристала? Он меня видит первый раз, вернее даже не видит в этой темноте. С чего он должен распинаться? Может, человек устал и торопится домой, а я пристаю со своими вопросами.

– Ну и ладно, – ответила я, стараясь придать голосу легкомысленные интонации. – Давайте, хоть, познакомимся, раз уж будем соседями какое-то время. Меня зовут Анфиса. Анфиса Маслова. – Я протянула руку, не особенно рассчитывая, что он ее увидит.

– Герман...

Я почувствовала, как рука утонула в большой и теплой мужской. Он слегка пожал мою и тут же выпустил.

– Если что, мой дом знаете где... – сказал он, и я услышала звук удаляющихся шагов.

Писательство я возвела в ранг труда, в отличие от тех, кто расценивает его, как увлечение. А любой труд требует максимум отдачи. Так было в школе, когда я задерживалась до вечера из-за дополнительных занятий с лодырями, не желающими усваивать информацию на уроках. И это притом, что вставала рано, к половине девятого спешила на работу. Выспаться удавалось только в выходные, когда папа ходил на цыпочках по квартире, боясь ненароком скрипнуть дверь.

Будильник завела на шесть утра. Как говорится, кто рано встает, тому Бог подает. Хотя о том, что он подает, у меня было довольно смутное представление.

Проснуться без чашки растворимого кофе с молоком у меня всегда получалось с трудом. Первое, что сделала, отыскала в шкафу самую большую чашку и наколотила в нее кофе. Причем молока добавила на одну треть. Именно такое и в таком количестве я любила кофе по утрам.

Три часа до обеда и три часа после – столько времени я отвела для работы. И еще два часа вечером. Ориентировалась на Трудовой Кодекс, восьмичасовой рабочий день.

Прихлебывая в меру горячий напиток, я устроилась за журнальным столиком, стараясь не думать о вчерашнем посетителе. Получалось с трудом, он же сидел именно в этом кресле, где я сейчас. Любовно смахнула пыль с черной лакированной поверхности ноутбука и, открыв крышку, включила его. Экран уютно засветился, загружая стандартную XP-шную заставку с полем и небом. Все это время я неспеша прихлебывала кофе, чашка наполовину опустела, и в теле появилась утренняя бодрость. Сейчас бы еще сигаретку, но курить я бросила больше года назад. Правда тяга, особенно по утрам, пока сохранялась.

Перед тем, как созрело решение написать роман, я с полгода изучала «писательскую кухню». Специально для этого зарегистрировалась на форуме известного в России издательства. Перечитала все статьи в разделе «Мастерская», участвовала в разборе текстов новичков и даже пару раз написала небольшие рассказы для конкурсов. Конечно, призовые места достались не мне, но я считала это справедливым, читая талантливых авторов.

Никаких иллюзий по поводу собственного таланта я не питала. Трезво рассудила, что его наличие или отсутствие сможет определиться только, когда из-под моего «пера» выйдет что-то художественное. Конечно, можно, написав несколько глав романа, попробовать выложить их на форуме и обратиться в гильдию критиков для подробного разбора, но тут срабатывала трусость. Я боялась получить негативный отзыв, расстроиться и растерять «боевой запал». Поэтому, сначала решила написать роман, а потом уже думать, что делать с ним дальше.

Белый вордовский лист уже минут пятнадцать, как смотрел на меня с экрана, а я все продолжала прихлебывать кофе, пока чашка не опустела. Потом водрузила руки на клавиатуру, как пианистка перед первым аккордом, и задумалась. О чем, собственно, будет мой роман? Странно, что задумалась я об этом только сейчас. Раньше питала уверенность, что как только сяду за компьютер, сюжет сам родится в голове или сформируется по ходу написания. Только

сейчас поняла, что уже для первого предложения нужна какая-то смысловая завязка, которой у меня не было.

«Сюжет романа» вывела я заголовок. А почему должен быть обязательно детектив, как планировала сначала? Только потому, что это направление самое популярное в литературе? А зачем мне это? Коммерческая сторона вопроса пока не волновала. Тогда, почему бы не написать что-то для души? Например, любовный треугольник, а лучше четырехугольник... Смешно, честное слово! Как я смогу написать про любовь, если, дожив до двадцати восьми лет, еще ни разу не влюблялась? И пользовалась взаимностью в этом вопросе с противоположной стороны. В меня тоже не влюблялись. Конечно, кто влюбится в очкастую двухметровую оглоблю с лицом «серой мыши»? Я поправила очки, стараясь не думать о грустном. А зачем мне практика в этом вопросе? Теоретически я очень даже подкована, не зря же столько классиков перечитала. Осталось только уйти от подражательства, выработав индивидуальный стиль.

Перед мысленным взором предстал вчерашний посетитель. Сама не заметила, как начала печатать, перекладывая на экран свои ощущения и последовательность странного диалога. А почему нет? Пусть он станет прообразом одного из героев. Кто сказал, что все персонажи должны быть положительными? Куда ж без злодея?

Солнце уже всю заглядывало в окна, лаская лучами комнату и меня в ней. Я не заметила, как пролетели три часа, и родилась душещипательная история тяжелого детства отрицательного персонажа, которая наложила отпечаток на его характер.

Пора передохнуть. Тем более что запланировала покупку теплых вещей. Одним свитером не обойдусь по вечерам.

От ночной прохлады не осталось и следа. Позднее утро встретило жарой, от которой я попыталась спрятаться под соломенной шляпой с огромными полями, типичным курортным вариантом головного убора.

Неприглядному на вид промтоварному магазину я предпочла шумный рынок. С детства обожала атмосферу азарта и конкуренции, царящую на толкучках. У меня даже имелась тайна, которую я никому не открывала. Больше всего я любила наблюдать за продавцами сырого мяса. Это шло из детства, когда была жива мама, и мы вместе ходили на рынок. Пока мама выбирала подходящий кусок, я любовалась руками продавцов, как они удерживали огромный говяжий кругляк. Он не помещался у них в руках и влажно свисал по бокам, они перехватывали его и поворачивали в разные стороны, демонстрируя товар покупателю. Мне казалось, что нет ничего приятнее, чем держать в меру влажный и тяжелый кусок. В детстве я даже мечтала стать продавцом мяса, но никому не признавалась в этом. Даже не знаю, почему скрывала? Наверное, потому, что интуитивно догадывалась о непонимании со стороны родителей. С возрастом детская мечта потускнела, но и сейчас я любила наблюдать за продавцами мяса.

В мясной павильон я не пошла, и так вчера достаточно накупила провизии, хватит на неделю точно. Зато с удовольствием прогулялась в мохеровом ряду, как сама назвала его. Оказывается, в поселке шла бойкая торговля изделиями из мохера, ручной вязки. Пряжу коренные жители тоже заготавливали сами, а потом мастерили из нее настоящие произведения искусства. Я не удержалась и купила толстый кардиган на пуговицах, достигающий до колена, и уютную шаль, в которую тоже при желании можно было закутаться целиком. На этом и ограничилась, тем более что летом тут не продавали демисезонные вещи, не считая пары курток и старомодного плаща, которым торговала древняя с виду бабулька. Наверное она сама и носила когда-то этот плащ.

От запаха рыночных беляшей и чебуреков я сильно проголодалась. Время близилось к обеду, и я решила посетить один из местных баров, расположенный на окраине поселка, как раз на пути к моему дому.

В небольшом баре почти все, кроме двух в небольших нишах, столики пустовали. Тихо звучала музыка, и пахло жареным мясом. Запах щекотал нос, подогревая и без того разыгравшийся аппетит.

Я выбрала столик у окна с видом на уютный дворик с альпинарием посередине и небольшой деревянной сценой. Там тоже стояли столики, но нестерпимая жара и преимущества тихо жужжащего кондиционера внутри кафе, делали выбор очевидным.

Официантка, больше похожая на профессоршу со строгой прической в виде пучка и очками в темной оправе, принесла меню и молча положила его передо мной. Почему-то глядя на суровое выражение ее не очень молодого лица, я подумала, что у меня есть не больше пяти минут, чтобы выбрать понравившееся блюдо. Я выбрала суп-лапшу по-домашнему, свиной стейк и жареную картошку.

Ну, и скорость у них тут! С момента заказа не прошло и десяти минут, как «профессорша» принесла дымящийся суп, хлеб в плетеной корзиночке и сок в запотевшем бокале. А я-то настроилась на длительное ожидание, не меньше сорока минут, как это принято в уважающих себя заведениях. Только принялась рассматривать бармена, лениво листающего газету за стойкой, как вынуждена была переключиться на суп.

Проглотив несколько ложек обжигающего бульона, я снова переключилась на разглядывание бармена. Вроде ничего особенного, обыкновенный с виду парень. Патлатый к тому же. Когда он стригся-то последний раз? Я, конечно, не спец в парикмахерском деле и сама далеко не идеал со своим-то хвостиком вместо прически, но и то понимаю, что так запускать волосы не есть хорошо. Ну, что это за светло-русые патлы, спадающие на лицо и плечи? Я даже не могу разглядеть его как следует.

Словно прочитав мои мысли, парень откинул волосы назад и посмотрел на меня. Ух, ты! Какие светлые у него глаза! Даже с такого расстояния заметно, что они почти прозрачные. Только очень грустные почему-то. О том, что глаза прозрачные я думала, уткнувшись в тарелку с супом, резко устыдившись собственного любопытства. Вот вечно так, не могу избавиться от привычки разглядывать кого-нибудь. В детстве отец ругал меня, объяснял, как это неприлично, пялиться на людей. А я до сих пор не могу от этого отучиться. Нравится мне разглядывать человеческие лица. Не все, конечно, но вот такие, как у парня, нравится. Какой-то он необычный... Слишком грустный или уставший? А еще нежный. Вот есть такие мужские лица, в которых мягкие черты сочетаются с мужественностью. Как у этого... Его нежность не признак женственности, а что-то другое... возможно, признак особой мужественности.

Захотелось опять посмотреть на симпатичного бармена. Я украдкой взглянула в сторону бара. Зря надеялась, что парень читает газету. В то время как я усиленно ела суп, он, оказываясь, рассматривал меня. Представляю, что он думает! Очкастая клуша, серая, как огромная семидесятикилограммовая мышь. Даже глаза и те серые!

Вот всегда так, стоит задуматься о своей внешности, как аппетит напрочь пропадает. Пора бы уже привыкнуть, что некрасивая, а я все комплексую, как школьница, которую дразнят мальчишки на перемене. Ну, если бы все рождались красавицами, что бы тогда было? Глаза бы устали от красоты и не считали бы уже таковой. А так есть на чем отдохнуть. Сплошная польза для общества, как не крути.

Официантка принесла стейк с картошкой, щедро украшенные свежими овощами, и я отвлеклась от грустных мыслей, почувствовав новый прилив аппетита. Ммм, как вкусно тут готовят. Стейк, как дома, прожаренный с хрустящей корочкой, и картошка порезана пальчиками, как я люблю. Нужно взять кафе на вооружение, и почаще заходить сюда обедать, тем более что готовить я не люблю.

За все время, что я там находилась, посетителей в кафе не прибавилось, а даже стало меньше. Одна из кабинок опустела, и кроме меня и парня с девушкой во второй кабинке никого не осталось. Бармен тоже куда-то исчез, лишив меня возможности поразглядывать себя еще

какое-то время. Пора завязывать с обедом и отправляться домой, если не хочу нарушать распорядок дня. Впереди еще три часа работы и уютный вечер возле камина.

Откуда странное предчувствие, будто что-то не в порядке? Дом выглядит как обычно, только мне, почему-то, становится все страшнее по мере приближения. Несмотря на жару, внутри появился холодок и зазнобило, как при высокой температуре.

Я в нерешительности остановилась у входа, догадываясь о причине внезапного страха. Дверь приоткрыта, хоть я отчетливо помню, как закрывала ее на ключ, долго сражаясь с незнакомым замком.

Господи, как же страшно! Я боялась протянуть руку и дотронуться до двери. Что же делать? От панического страха я не могла даже заплакать, убежать или закричать.

Меня что, обворовали? А если воры еще внутри? Вдруг они там, а я зайду в дом? Они же могут убить меня! Что-то с грохотом упало в доме, и я рванула к калитке, словно только и ждала сигнала.

– Куда?!

Я резко остановилась в нескольких метрах от калитки. Окрик явно предназначался мне, и раздался за моей спиной.

– Куда собралась?

Я медленно повернулась на негнущихся ногах.

– Вы?

На крыльчке стоял тот самый мужчина, что навещал меня вчера. Все в том же плаще и заляпанных грязью сапогах. Только презрения на лице я разглядела больше, чем в прошлый раз.

– Вы взломали замок?! – Я в ужасе смотрела, как он медленно идет навстречу. – Не подходите! – Замахнулась пакетом, с опозданием сообразив, что убить его мохеровыми изделиями вряд ли смогу.

– Чего разошлась, ненормальная? Дверь надо закрывать, когда уходишь.

Он остановился в паре метров от меня. Видно, подействовала угроза.

– Я закрывала! – неожиданно для себя заорала я. – Точно помню, как закрывала дверь. А вы взломали ее! Вор, проклятый! – продолжала я орать.

– Угадала. – Мужчина неожиданно улыбнулся. А я опешила, насколько улыбка способна преобразить лицо, даже такое противное. – Проклятый, но не вор.

Он сделал попытку подойти ближе, я же попятилась к калитке. Мужчина снова остановился, не переставая улыбаться.

– Я не собирался обворовывать тебя.

– Тогда какого... вам тут нужно?! Чего вы ходите сюда? А? И никакой вы не хозяин дома! – резко закончила я, поздно сообразив, что ору, как ненормальная. – Мне сказали, что у дома уже больше ста лет нет хозяев, – уже спокойнее продолжила. – К чему, вообще, этот цирк?!

Он как-то странно смотрел на меня и не торопился с ответом, словно решая, что можно говорить, а что нет. Я же была рада уже тому, что он не делает попыток приблизиться.

– А знаешь, неплохо ты смастерила образ злодея. Кого-то он мне напоминает...

В первый момент я не сообразила, о чем это он. Когда смысл сказанного дошел до меня, опять заорала:

– Ты что себе позволяешь?! Ты что?.. Ты читал мои записи?!

– Сама виновата. В следующий раз выключай свою штуковину. Нечем было заняться, пока ждал тебя, вот и прочитал.

Меня возмутил даже не сам факт, что он посягнул на мою собственность, а то, что он прочитал сырые наброски, которые я никому не собиралась показывать. Я и писала-то их просто так, без какой-то определенной мысли. Наверняка в злодее он узнал себя, да и ситуация была списана с его первого визита. А уж как разыгралась моя фантазия, награждая его по максимуму злодейскими признаками.

– Тебя не учили не брать чужого? – с вызовом спросила я, пытаюсь замаскировать смущение.

– А что я взял-то?

На его лице проступило недоумение.

– Ты посягнул на интеллектуальную собственность. Не слышал о таком?

– Короче, мартышка! Не нужна мне твоя собственность. Поняла? И ты мне не нужна. – Голос звучал нарочито грубо. – А вот услуга нужна. И ты сделаешь это для меня.

– С какой стати? – Меня так оскорбило его «мартышка», что я чуть не расплакалась. – Ничего делать не собираюсь.

– Не сделаешь, хуже будет. Покоя не дам. Буду надоедать, пока не свалишь отсюда.

– Тогда я прямо сейчас вызову милицию. – Я полезла в сумочку за сотовым телефоном.

– И тебя через какое-то время закроют в дурдоме...

Я перестала набирать номер милиции и уставилась на него.

– А может это тебя нужно изолировать от общества?

В тюрьме ему самое место!

– Слушай, мне надоело торчать на солнце. Пойдем в дом и поговорим спокойно.

Не могла не согласиться, чувствуя, как начинаю плавиться на полуденной жаре.

– Только держись от меня подальше, – предупредила я, следуя за ним на приличной дистанции.

В доме я продолжала держаться на расстоянии от опасного гостя, пока он бесцельно слонялся по кухне, а потом по гостиной. Интересно, что он ищет? Ходит тут, заглядывая во все углы.

– Иди, присядь. Не таскайся за мной.

Несмотря на то, что прозвучало это довольно грубо, в глубине души я обрадовалась, словно только и ждала его разрешения. После плотного обеда и длительной прогулки ноги гудели. Хотелось посидеть, расслабившись, и ни о чем не думать какое-то время. Наверное, сказывалось еще и нервное перенапряжение. Я тут второй день, а адреналину успела хапнуть на неделю вперед. Интересно, чем я провинилась перед судьбой, что она мне устраивает встряски?

Решив не раздражаться по пустякам, и трезво рассудив, что злость только усугубляет положение, я опустила в кресло и вытянула ноги, чувствуя, как по ним заструилось блаженное тепло. Как же хорошо! Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Сейчас бы уснуть ненадолго, на полчаса, не больше. Видно, я задремала, потому что вздрогнула от неожиданности, когда услышала рядом:

– Я долго думал, с чего начать... И решил начать с самого главного...

Я открыла глаза, гость устроился в соседнем кресле и разглядывал меня со странным выражением на лице, словно прикидывая, как я отнесусь к тому, что он собирается рассказать. Слава Богу, презрение, к которому я уже успела привыкнуть, исчезло, уступив место сомнениям, что тоже настораживало. Что же такое он мне хочет сообщить и никак не решится, вот уже во второй раз заявляясь сюда без приглашения?

– Знаешь ли ты, что за более чем сто лет, ты первая, кто поселился в этом доме? – задал он неожиданный вопрос.

Конечно, не знала. Агент по аренде недвижимости не потрудился сообщить об этом. Кроме того, коттедж выглядел таким обжитым, что в первый момент я не поверила заявлению.

– Не веришь? – догадался он. – И зря. У дома плохая репутация. Местные жители об этом знают, только у них тут круговая порука.

– Это почему же?..

Запугать меня решил? Напрасно. Я сразу почувствовала атмосферу дома, как только впервые переступила порог. К таким вещам я относилась серьезно и верила в совместимость жилища и хозяина. А себя считала хозяйкой дома, хоть и временно. И дом встретил меня, как родную, я в этом уверена.

– Потому что последний хозяин свел счеты с жизнью.

– Самоубийца что ли?

Известие неприятно царапнуло душу. Не то чтобы я испугалась, просто, даже если это правда, предпочитала ее не знать.

– Он застрелился из собственного ружья.

Я поехала и невольно посмотрела по сторонам, живо рисуя кровавую сцену.

– Не бойся. Сделал он это не в доме. Тогда во дворе стоял сарай, который снесли не так давно. Там это и произошло.

Я незаметно перевела дух. Главное, не в доме, иначе эта мысль преследовала бы меня все время, что я планировала тут пробыть.

– Зачем вы-то мне все это рассказываете? Почему не ведете себя, как все, раз утверждаете, что тут круговая порука?

– Я и есть тот самый хозяин.

В первый момент я вообще не поняла, о чем он. Потом, когда смысл сказанного достиг моего сознания, я вытаращила глаза. Это розыгрыш такой? Он шутит или пытается зачем-то меня напугать? Если так, то не вижу логики.

– Поняла, вам нужно, чтобы я съехала отсюда! – осенило меня.

– Ничего подобного.

Он улыбнулся, отчего лицо его опять преобразилось непостижимым образом. Я даже разглядела ямочки на щеках под слоем щетины.

– Тогда зачем вы врете? Просто скажите, что вам нужно?

– Я не вру. А нужна мне твоя помощь. Этой возможности я ждал больше ста лет.

Я смотрела на нормального с виду мужчину и не знала, что думать. Могут психи так выглядеть и рассуждать? Я и психов-то никогда не видела. Вернее, видела, конечно, но откровенно больных. Жила одна такая девушка у нас во дворе. Да и не псих она, а душевнобольная. Я часто видела ее гуляющую во дворе, смеющуюся и разговаривающую сама с собой. Еще я видела сына своей сотрудницы, но у него была болезнь Дауна. А Дауны, они безобидные и несчастные.

Даже в фильмах психи или маньяки, маскирующиеся под нормальных людей, несли отпечаток на своей внешности, намекающий на их ненормальность. Сидящий же передо мной мужчина выглядел абсолютно здоровым, без признаков психического расстройства. Может, грубоват и нагловат, но точно не псих.

– Скажи уже что-нибудь. Сколько можно пялиться? – не выдержал мужчина, и губы его привычно изогнулись в презрительной ухмылке.

– А что сказать? Разве, что я вам не верю...

– Могу доказать, если не испугаешься. Только... я сейчас...

Он встал и вышел в кухню. Я не могла пошевелиться во власти непонятной апатии. Разозлиться бы и вызвать милицию, а вместо этого слушаю всякую бредятину.

Через минуту он вернулся с бокалом в руке.

– Выпей, – протянул мне бокал. – Не мешает для храбрости. Не хочу, чтобы ты закатила истерику.

И опять я не стала спорить, тем более что жутко хотела пить, еще с тех пор, как вернулась с прогулки по жаре.

Я залпом осушила бокал и чуть не задохнулась.

– Ч-что это б-б-было? – пытаюсь дышать нормально, спросила я.

– Твое вино, что же еще, – рассмеялся гость.

– Н-н-нет. – Я потрясла головой. – Это какая-то бормотуха.

Меня еще несколько раз передернуло, пока не схлынула волна отвращения к крепости напитка.

– Ну, потеплело внутри? Потекло тепло по жилам?

Я почувствовала слабое головокружение, хмель мгновенно ударил в голову. В теле появилась легкость, хоть пускайся в пляс. Не иначе, он опоил меня каким-то зельем.

– Не морочь голову, – произнесла я с глупой, как сама определила, улыбкой на губах. Опять незаметно перешла на «ты». Этот процесс носил самопроизвольный характер, когда хотела, говорила «вы», в другие моменты – «ты». – Чего примешал к вину, признавайся?

– Секрет, – улыбнулся он и, встав с кресла, поманил меня за собой.

Пришлось собрать всю силу воли в кулак и заставить себя встать. Ноги плохо слушались, когда я двигалась к трюмо, возле которого меня ожидал странный гость.

– Ну, и?..

Я не понимала, чего он от меня хочет, и какие доказательства я должна увидеть. Честно говоря, я вообще плохо соображала в данный момент.

– Ничего тебе не кажется странным?

Гость указал рукой в сторону зеркала.

– Ну, зеркало, как зеркало...

Я сняла очки и приблизила лицо к стеклянной поверхности, рассматривая натертую переносицу и покрасневшие глаза. Все лицо в веснушках! Как же они мне надоели!

– Посмотри внимательно!

Он приблизился ко мне почти вплотную. Откуда-то повеяло сыростью с примесью затхлости.

– Что ты видишь?

– Ну, что, что... Себя я вижу – страшную, как атомная война, – хохотнула я.

– А еще?

– Все. Больше ничего.

Я повернулась и посмотрела на него. Надо же, какой высокий, даже выше моих метра восьмидесяти!

– Господи! За что мне это?! – Он возвел глаза к потолку. – Дай ты ей немного ума! Посмотри в зеркало, ходячее недоразумение. – Это он уже сказал мне.

Я снова перевела взгляд на зеркало и увидела, как надулись мои губы от обиды. Сам такой! Кто из нас недоразумение, нужно еще разобраться!

– Что ты видишь? – снова спросил он.

Что, что?.. Я почувствовала, как начинаю замерзать изнутри. Вглядывалась в зеркало, не веря своим глазам. От непонимания появился панический страх, отчего на голове зашевелились волосы. Я прижала руку к губам, удерживая готовый сорваться крик.

– Мамочки... – сдавленно пискнула я.

– Кто вы?

Это первое, что смогла выдавить. Как добралась до кресла, не помню. Гость успел сходить за еще одним бокалом вина. И сейчас я сжимала тоненькую стеклянную ножку, рискуя пролить содержимое, так дрожала рука.

– Призрак этого дома.

Стало по-настоящему страшно, я боялась произнести хоть слово. Призрак?! Да возможно ли такое вообще? Даже получив неоспоримые доказательства, отсутствие его отражения в зеркале, я не могла поверить, что передо мной сидит призрак. Живой призрак! Бред на постном масле!

– Я и есть тот самый последний хозяин, который застрелился из ружья.

– А зачем?..

– Что, зачем? Зачем застрелился? – Глаза призрака расширились от удивления. – А это сейчас имеет значения? Для тебя только это важно, по какой причине я решил свести счеты с жизнью?

А для меня что-то важно? В голове не было ни одной путной мысли, как будто ее как следует потрясли, пока не опустошили полностью. Этот вопрос возник первым, вот и спросила, чтобы не молчать.

– Причина, по которой я покончил с собой, не имеет никакого отношения к нашему делу...

Нет у меня никаких дел с призраками!

– Я здесь не для того, чтобы рассказывать тебе о своей жизни...

Нужны мне больно твои рассказы, как и ты сам!

– Я уже сказал, мне нужна твоя помощь. Такой возможности я ждал сто лет. Господи! Как же мне теперь отвязаться от него? И ведь никто не поверит, что ко мне захаживает призрак. Он прав, меня сразу упекут в психушку, как только заведу разговор на эту тему.

– Ты слыхала про Агасфера? – задал он неожиданный вопрос.

– Я читала про него. У Эжен Сю есть такой роман...

Слыхала! Ну и словечко откопал, грамотей несчастны. Хотя, куда ему?..

Мамочки! Сознание с новой силой обожгла мысль, что передо мной сидит призрак. Не человек из плоти и крови, а существо, про которое я даже в литературе читала не так часто, не любила такой жанр. Это не может быть реальностью. Мне даже во сне такое ни разу не снилось. А может, я действительно сплю?

Я поставила бокал на столик и вздрогнула от приглушенного звяканья стекла о поверхность. Мурашки побежали по коже, и страх запустил липкие щупальца в душу, заставляя ее сжиматься.

– Не бойся, тебе ничего не грозит, – угадал он мое настроение. – Я, как Агасфер, вот уже больше ста лет брожу по земле, не в силах покинуть ее. По ряду причин я проклят. И только ты можешь мне помочь.

– Да, чем я-то могу быть полезна?!

Постепенно зарождающаяся злость потихоньку начала вытеснять панический страх.

– Ты первая, кто поселился в этом доме. Только ты можешь меня видеть. Может пройти еще сто лет, прежде чем у меня появится второй шанс. А если дом по каким-то причинам снесут, то я останусь вечно странствующим призраком...

– Хорошо, что вам нужно?

Я вдруг почувствовала усталость и разочарование, мои планы рушатся на глазах из-за вмешательства непонятно чего.

– Ты должна найти клад.

– Клад?!

Ушам своим не поверила. И он туда же! Неужели кладоискательство в поселке так заразно, что даже призраки не остались в стороне? И зачем он ему, клад-то? Хочет забрать с собой на небеса?

– Да, клад. Я нашел клад. При жизни я был археологом, лазал по горам, занимался раскопками... С другом мы и нашли клад. А потом... потом я повел себя подло, – Он тяжело вздохнул. Видно, что слова давались ему с трудом, впрочем, этот факт не прибавлял сочувствия в моей душе. – Я спрятал клад. Решил все забрать себе, в то время как друг жил в сильной нужде. И тогда меня проклинали, еще при жизни.

– Кто? – Любопытство одолевало меня. Сама не заметила, как начала слушать с интересом.

– Мать друга, когда ее сын повесился. Он это сделал из-за меня...

– А сейчас-то зачем вам этот клад? Что собираетесь с ним делать?

– Все годы, что я брожу в образе призрака, потомки друга бедствуют. Скорее всего, тот клад был проклят, и нашедший его обрекался на неудачи.

– И теперь вы хотите на неудачи обречь еще и меня?

Черствость призрака возмущала. Столько людей пострадали от злосчастного клада, а он предлагает мне добровольно согласиться искать его. Да, и чего искать, если это он его спрятал? Я озвучила мысль вслух и заслужила снисходительно-презрительную усмешку.

– Думаешь, все так просто? Я не помню, где спрятал клад. Это часть проклятия. И даже если бы помнил, как призрак, по-твоему, может выкопать клад?

– Так вы хотите, чтобы я нашла клад и отдала его потомкам вашего друга?

– Да. Тогда я смогу покинуть этот мир.

Он с волнением ждал моего ответа, я это явственно читала на его лице. Похоже, для него это действительно важно. Тогда тем более странно, что ведет он себя, как идиот – постоянно грубит и позволяет себе говорить со мной, как с противной блохой.

– Не хочу неприятностей, – решительно заявила я. – Если я попрошу вас оставить меня в покое, вы выполните мою просьбу?

Вопрос был скорее риторическим. На положительный ответ я не надеялась, чему и получила мгновенное подтверждение:

– Да, как ты не понимаешь, не могу я упустить такой возможности!

Призрак вскочил с кресла и зашагал по комнате. На меня опять пахнуло затхлостью. Теперь я понимала, что запах идет от него. Это был запах одиночества и злобы. Мороз пробежал по коже, и я в который раз прочувствовала нереальность ситуации.

– Тебе ничего не грозит. – Призрак остановился у меня за спиной, а я чуть не вывернула шею, чтобы только держать его в поле зрения. – Проклят я, а ты поможешь мне снять проклятие. Никто больше не пострадает...

– Но... я не хочу.

Больше всего я хотела, чтобы он исчез, испарился, не видеть и не слышать его.

– Я сегодня же съеду отсюда! – осенило меня.

– Ты даже с кресла не сможешь встать, – зловеще прошипел призрак, мгновенно превращаясь в чудовище. Глаза сузились, рот ощерился, открывая острые зубы. Мне даже показалось, он скрючил пальцы на манер когтей.

Я рванулась, чтобы бежать, и не смогла пошевелиться. Словно приросла к креслу, или меня кто-то приклеил во всех местах соприкосновения тела с креслом.

Призрак навис надо мной, и я чуть не потеряла сознание от страха и удушающего запаха.

– Ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, – продолжал шипеть он. – Я буду сопровождать тебя повсюду, куда бы ты не пошла. Это в моих силах. Ты не сможешь покинуть пределы дома, пока я тебе не разрешу. И ты будешь делать то, что я велю, сохраняя в строжайшей тайне, что ищешь клад.

Проснулась я от громкого стука в дверь. Странно, но как ложилась спать, не помнила. Зато сразу вспомнила разговор с призраком и его угрозы. И он сейчас где-то тут, надо полагать. Наблюдает за мной. И то, что я проспала до вечера, это тоже его рук дело.

Стук в дверь повторился, уже более громко. Кто бы это ни был, похоже, ему не приходило в голову, что меня может не оказаться дома.

Меня познабливало, хоть и спала я в одежде. Не хватало только заболеть.

– Кто там? – решила поинтересоваться, прежде чем открывать дверь.

– Это Герман, ваш сосед, – после непродолжительного молчания услышала я знакомый голос.

Не помню, когда в последний раз так радовалась приходу гостей. Второпях никак не могла справиться с замком, отчего негромко чертыхнулась. Распахнув дверь, я с удивлением уставилась на бармена, за которым вела пристальное наблюдение сегодня.

– Вы?

Никак не ожидала, что он может оказаться моим соседом.

– Вот, решил зайти проверить, как у вас дела? Не приходил ли к вам больше никто?

– Да... – начала я рассказывать и тут же осеклась, вспомнив об угрозах призрака. – Да вы проходите, выпьем кофе за знакомство.

Герман как будто только и ждал приглашения, сразу же вошел в дом и начал с любопытством осматриваться, пока я запирала дверь.

– Ни разу не видел дом изнутри, – улыбнулся он. – Ничего, тут уютно.

Я в который раз подивилась, какие мягкие черты у его по аристократически удлиненного лица. Рот небольшой и нежный до трепетности. На подбородке маленькая ямочка. Даже светлые брови и те выглядят мягкими и пушистыми. Вот только светлые глаза остаются грустными, даже когда он улыбается. И эта грусть заражает, такая она незапятнанная. Хотелось пожалеть его, неизвестно за что, но вместо этого я спросила:

– Кофе?

И пусть призрак наблюдает за происходящим и завидует гостеприимству, которое я оказываю Герману.

– Если можно, чай... Кофе я обпился на работе.

– А вы там, в баре, сразу догадались, что я и есть ваша соседка? – не известно почему смущаясь, спросила я у Германа, когда мы расположились в зале за сервированным к чаю журнальным столиком, с которого я предварительно убрала компьютер. Эх, так и не поработала больше сегодня, – мелькнуло сожаление.

– Конечно. Поселок маленький, и в это время года приезжих не так много. Да и бар наш на окраине. Днем туда мало кто заходит...

– А я вас не узнала. По голосу представляла совсем другим.

А каким я его представляла? Не таким высоким, почему-то темноволосым и точно кареглазым. На большее моей фантазии не хватало, да и думать о нем было некогда из-за дурацкого призрака. Я чуть не погрозила в воздухе кулаком, вовремя сообразив, как это будет выглядеть со стороны.

– А вы давно живете в этом поселке? – спросила я после непродолжительной паузы, неловко повисшей в воздухе.

– Всю жизнь. Я тут родился.

Мне нравилось наблюдать, как он пьет чай, обхватив бокал обеими руками, словно согреваясь в зимнюю стужу, и прихлебывая маленькими глотками. Стоило только подумать об этом, как меня опять зазнобило. На улице стемнело, и с гор потянуло холодом. В доме тоже похолодало.

– Нужно затопить камин. – Я деловито встала с кресла, подошла к пустому камину и зачем-то взяла кочергу.

– Давайте я. – Герман забрал у меня кочергу и прислонил ее обратно к камину.

Я наблюдала за его умелыми движениями, вернувшись в кресло и забравшись в него с ногами. Через несколько минут огонь в камине весело заплясал языками, и в комнате сразу стало намного уютнее и теплее.

– А вы знаете что-нибудь про последнего хозяина этого дома? – спросила я у Германа больше для того, чтобы позлить призрака, чем услышать что-то интересное. Странно, но его жизнь меня почему-то совершенно не интересовала. Больше волновал вопрос, когда он оставит меня в покое?

– Не очень много... По рассказам матери. Кажется, звали его Владимиром Зиновьевичем. Фамилия Востриков, если не ошибаюсь. А почему вас это заинтересовало?

– Просто... интересно, кто жил тут раньше. А какой он был, этот Владимир, не знаете?

– Говорят, он был отвратительный человек – алчный и злобный. После смерти матери, долгое время жил один в доме, пока не умер...

– А чем он обычно занимался? – спросила я в надежде, что Герман что-нибудь знает о кладе.

– Я больше ничего про него не знаю. Лучше расскажите, чем вы занимаетесь? Это намного интереснее.

Мне показалось, он знает что-то еще, только не хочет рассказывать. Как-то слишком быстро сменил тему.

О себе рассказывать не любила, поэтому ограничилась несколькими ничего не значащими фразами. Впрочем, и из этих фраз стало понятно, что девушка я одинокая и неуверенная в себе. Вот так всегда, хочешь понравиться человеку, а ляпнешь что-то и только испортишь все. Вот, к чему сводился весь смысл сказанного мной сейчас? К тому, что веду я однообразный образ жизни, ничем не интересуюсь.

– А сюда приехали отдохнуть от работы?

По официальной версии, которую сочинила специально для Германа, я все еще работаю в школе. По непонятной причине именно ему стало стыдно признаваться в намерении переквалифицироваться в писательницы.

– Да... Отпуск у меня длинный, и горы я просто обожаю. Вот, выбрала Домбай. Мы тут однажды были с отцом, еще в детстве...

– Я тоже люблю эти места. Горный воздух самый чистый. И есть в них что-то такое...

Он задумался, а я тайком любовалась его лицом. Как же мне нравилась его мягкость. Ни разу не встречала сильных мужчин (а на то, что он сильный, намекали и рост и развитая мускулатура) с такими нежными лицами. Когда он задумывался, грусть в его глазах становилась особенно заметной. Что же его так печалит? Не может отпечаток грусти являться врожденным качеством. Должна быть причина, чтобы грусть не исчезала из глаз.

– ...Они меня завораживают. Сколько живу здесь, а не устаю любоваться ими.

А я бы устала? Если бы прожила в горах всю жизнь, надоело бы мне смотреть на них? Наверное, нет. Такой красотой невозможно пресытиться.

– А вы родились тут? – спросила я, просто потому чтобы что-то спросить.

– Я прожил тут всю жизнь.

– Как, всю жизнь?! Что, и никуда не уезжали? Никогда?

Хоть я и живу сейчас в том же городе, где родилась, но я там больше не жила, чем жила. Половину жизни разъезжала с отцом. Исколесила всю Россию и за границей была ни раз.

– Никогда.

Я пыталась прочитать на его лице признаки неудовлетворенности жизнью и не заметила ничего похожего. Он совершенно спокойно рассуждал о том, что для меня, привыкшей путе-

шествовать, было неприемлемо. Я и сюда-то собралась отчасти потому, что далеко от родного города, хотя, на первом месте стояли горы.

– И вам никогда не хотелось посмотреть, как живут люди в других местах?

Видно, вопрос его чем-то задел, раз ответ прозвучал достаточно сухо:

– Люди везде живут одинаково! Работают, едят, спят... Все, что хочу, узнаю из книг. Жюль Верн тоже почти никуда не выезжал, а вон какие книги про путешествия писал...

Резкость тона меня не обидела. Напротив, я едва сдерживала смех, так наивно и по-детски прозвучал его ответ.

– Ну, да... Он еще первый описал путешествие на луну...

Откуда только взялось это пакостное желание поддеть? Я готова была откусить себе язык, так было стыдно. Герман как-то очень внимательно посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала разочарование.

– Мне пора, – сказал он, отодвигая чашку, наполовину полную остывшим чаем, и вставая с кресла. – Поздно уже...

– Я...

Что, я? Сама виновата! Теперь расхлебывай. Поделом тебе, за неумение держать язык за зубами.

Я шла за Германом и лихорадочно соображала, как можно исправить ситуацию.

– Спокойной ночи, – сказал Герман, находясь у самой двери. Он уже взялся за ручку, в последний момент повернулся и произнес фразу, смысл которой остался неясен для меня: – Иногда малое значит так много, что мы воспринимаем жизнь по-другому... Не забудьте запечатать дверь.

– Что, доумничалась, недотепа? – Такими теплыми словами встретил меня призрак, когда я вернулась в гостиную.

– Можешь оставить меня хоть на время одну?

Отвратительное настроение не позволило даже разозлиться как следует. На душе было так гадко, словно я совершила самую большую ошибку в жизни.

– Наверное, нужно скорее найти этот чертов клад, чтобы избавиться от тебя.

Смотреть на его ухмыляющуюся физиономию не хотелось. Я демонстративно переложила ноутбук на стол и уселась в кресло с твердым намерением игнорировать назойливость призрака.

– Успокойся. Мне общение с тобой так же противно, как и тебе. И так же, как у тебя, у меня нет выбора.

Он придвинулся к камину и протянул руки к огню.

– Что, замерз? – съехидничала я, наблюдая за его манипуляциями.

– Угадала... Я мерзну уже больше ста лет.

Он повернулся ко мне, и в его глазах я прочитала вековую усталость.

– Слушай внимательно. Если будешь делать все так, как я велю, перестану надоедать тебе своим присутствием...

Тоже мне, царь и Бог нашелся. Тон, каким это было сказано, взбесил меня до глубины души. Он даже не рассматривал вариант, что я начну сопротивляться и попытаюсь сбежать. Хотя, как я смогу это сделать, если он следит за каждым моим шагом?

– Завтра пойдешь в библиотеку. Посмотришь старые подшивки газет или еще что-нибудь. Мне нужно, чтобы ты нашла в поселке место, где раньше стояла церковь, которую разрушили во времена советской власти. Узнай, что там сейчас?

– Есть, сэр! – козырнула я. – Еще будут указания? Или, все-таки, уберешься отсюда и дашь поработать спокойно? И что, у тебя до такой степени отшибло память, что не можешь вспомнить, где была церковь?

– Придется тебе объяснить... – Призрак вздохнул и устало потер лицо, прямо как живой человек. – Как только я пытаюсь что-то вспомнить, срабатывает блокировка. Я уже давно догадался, это часть проклятья, чтобы я никогда не смог найти клад и вечно скитался по земле, вернее, по этому поселку.

– И ты не можешь покинуть пределы поселка? – невольно заинтересовалась я.

– Не могу. За поселком для меня нет ничего, пустота, в которой невозможно находиться. Это, как вакуум для человека, ни дышать, ни смотреть, ничего.

Значит, достаточно просто покинуть пределы поселка, чтобы избавиться от него. Эта мысль меня слегка воодушевила. Не все так плохо. Можно сделать вид, что пошла погулять, а самой незаметно смыться. И черт с ними, с вещами...

– Даже не думай! – прервал он мои размышления. – Сбежать не получится. Я слежу за каждым твоим шагом. Как только захочешь бежать, пожалеешь, что родилась на свет!

– Ты что же, читаешь мои мысли?!

– Даже больше, я знаю, о чем ты можешь подумать.

Приплыли... Такое чувство, словно меня препарируют живьем. Гадливость затопила до краев, а на глаза навернулись злые слезы.

– Хорошо. Я буду делать так, как ты говоришь. Но и ты должен мне кое-что обещать...

– Обещаю, не буду надоедать тебе своим присутствием без необходимости. Будешь спокойно заниматься романом в свободное от поисков время.

Теперь я знала, как он приходит и уходит. Он просто исчез из кресла у меня на глазах. А я осталась, напуганная до такой степени, что даже не чувствовала страха, если такое вообще возможно.

Я долго и бессмысленно смотрела на заставку в компьютере, пока в глазах не начало рябить. В голове не было ни единой мысли. Первое, о чем подумала, выйдя из ступора, что нужно позвонить отцу, чтобы не волновался.

– Пап, привет, – сказала я и чуть не разрыдалась от умиления, когда услышала родной голос. Так захотелось оказаться рядом с ним, подальше от всяких призраков, барменов и даже гор.

Немногословный папа поинтересовался моим здоровьем, как я устроилась и много ли успела написать? На все вопросы я старалась отвечать бодро и оптимистично. Думаю, получилось заверить его, что у непутевой дочери все хорошо.

Вторая ночь отличалась от первой, как горький шоколад от молока.

Я намеренно долго засиделась за компьютером, заставляя себя работать. Сначала долго не могла сосредоточиться, борясь с отвратительным настроением. Все время вспоминала Германа, как он уходил и смотрел на меня. Пыталась определить, что еще, кроме грусти, было в его взгляде? Сожаление, осуждение, недоверие?.. Все не то.

Он станет прообразом положительного героя, решила я, и начала переносить мысли из головы на электронные страницы. Получалось плохо, приходилось заставлять себя писать, выдавливая буквально по слову. Настроение накладывало отпечаток на создаваемый образ, герой получался чересчур унылый и скучный, страдающий от неразделенной любви. Я решила, что такая причина будет выглядеть уместно, раз речь пойдет о любовном треугольнике.

Постепенно процесс пошел... Получался герой, только какой-то немного безвольный, бесхарактерный. Чем-то он напоминал меня саму, не умеющую противостоять трудностям, плывущую по течению. Так же, как я, он не любил спорить, болел, когда ссорился с кем-то,

трепетно относился к состоянию душевного равновесия, которое считал разновидностью счастья...

Хорошо ли, что мужчину я наделила женскими качествами? Да, и есть ли они, чисто женские? Неважно, что герой получается слишком женственным. Он имеет право на существование, раз образ его зародился в моем сознании. Кто сказал, будто все мужчины сильные?

Это уже получался не Герман, а кто-то средний между им и мной. Его внешность плюс мой характер. Зато я сразу почувствовала расположение к персонажу, как к любимому детищу, и решила его сделать самым главным действующим лицом романа. Правда, о чем конкретно будет роман, я еще не определилась, понимая, что без четкого сюжета в голове, даже не стоит начинать писать.

Первые признаки сонливости наметились, лишь когда перевалило за полночь. С чувством удовлетворения от проделанной работы и легким страхом от предстоящей ночи, я подбросила дров в камин, чтоб горел как можно дольше, и отправилась спать.

Вот тут и начались мои мучения. Сначала я никак не могла согреться под толстым одеялом, несмотря на относительное тепло в доме. Потом, когда согрелась, наступил черед активной мозговой деятельности. События дня мелькали в голове по кругу, как чертово колесо. Я вновь и вновь переживала их, как будто кто-то держал палец на кнопке быстрой перемотки на пульте дистанционного управления.

Странное состояние, когда ужасно хочется спать и нет возможности уснуть. Стоит закрыть глаза, как все начинается по новой.

У меня редко бывает бессонница, не чаще раза в полгода. Но когда это случается, больший дискомфорт я получаю не от невозможности уснуть, а оттого, что все тело начинает ломить.

Часов до двух ворочалась в кровати, не зная куда деть ноги, которые выкручивало в буквальном смысле слова. Я пыталась сворачиваться калачиком и вытягивала их во всю длину, ничего не помогало. Очень некстати подумалось, что где-то тут же находится призрак. Вот тогда мне стало по-настоящему страшно. К тому времени дрова в камине успели прогореть, и до меня уже не доносилось уютное потрескивание. В доме повисла неестественная тишина, нарушаемая редкими звуками непонятного происхождения. То шелкнет что-то едва слышно, то скрипнет, как несмазанные петли... От каждого звука я вздрагивала, как от удара в колокол, каждый раз обдаваемая новой волной страха. В какой-то момент даже показалось, что я слышу приглушенный смех призрака и улавливаю запах сырости в хорошо протопленном помещении.

Промучилась я до самого рассвета. Когда в комнате начало светлеть, я провалилась в болезненный сон и, естественно, будильник, заведенный на шесть часов, даже не слышала. Проснувшись от довольно ощутимого толчка, сразу сообразив, чьих это рук дело.

Спать хотелось ужасно. Еще бы часа три и плевать, что не получится поработать до обеда. Но интуиция подсказывала, уснуть не получится, мне просто не позволят этого сделать.

Борясь с самопроизвольно закрывающимися веками, я включила чайник и направилась в ванную, надеясь на деликатность призрака, что не станет он подсматривать за принимающей душ женщиной. А если станет, то пусть пеняет на себя, картинка окажется не очень привлекательной – ни пышностью, ни формами я не блещу...

Душ и несколько глотков кофе сделали свое дело – сонливость отошла на второй план, уступив место нежеланию что-то делать и куда-то идти. Но я дала слово, кроме того, подчиниться – единственная возможность избежать контакта с призраком.

В десять часов я вышла из дома, как всегда не особо заботясь о внешнем виде. К полному отсутствию макияжа добавилась небрежность в одежде, состоящей из потертых джинсов и мятой футболки, которая, я надеялась, разгладится на мне.

Найти библиотеку помогла словоохотливая продавщица Вероника, попутно уговорив меня купить свежую хлебную лепешку, испеченную ее бабушкой.

В половине одиннадцатого я уже подходила к старинному зданию, вроде в прошлом чьей-то усадьбе, где сейчас располагалась центральная библиотека имени Пушкина. Читальный зал располагался на втором этаже, в огромном зале с резными колоннами. Почему-то подумалось, что раньше здесь давали балы, а сейчас было сумрачно и душно, сладковато пахло старой бумагой и многолетней пылью.

Большую часть зала отгораживала перегородка с деревянной стойкой у входа. За перегородкой тянулись длинные стеллажи, уставленные книгами. Оставшаяся часть зала была заставлена письменными столами, которые в это время пустовали.

За стойкой дремала бабулька. Она не проснулась даже от скрипа входной двери. Мне показалось, что ей не меньше ста лет. Сухие в толстых жилах руки сложены на животе, голова свесилась на грудь. Старушка тихонько похрапывала. На носу очки, которые в этот момент съехали на самый кончик, того и гляди упадут.

Я неуверенно переминалась, не зная, как поступить. Будить старушку неудобно и ждать, когда она проснется сама, тоже не хотелось. Пришлось тихонько кашлянуть, отчего старушка вздрогнула и открыла ярко-голубые, удивительно молодые глаза, которые странно смотрелись на морщинистом лице.

– Ох, милая, задремала я, – улыбнулась старушка беззубым ртом, поправляя очки дрожащей рукой. – А ты – та самая жиличка из востриковского дома?

Вот это у них тут осведомленность! Все уже знают про меня! Чувствую себя звездой, не иначе.

– Что, заскучала, милая? Решила позасорять голову всякой ерундой? – Старушка хихикнула.

Странное отношение к работе. Интересно, как она разбирается в огромном количестве книг, если считает их мусором? Внезапно меня осенило, что возможно специальная литература и не понадобится. Старушка может знать, где раньше стояла церковь? Что я и спросила у нее.

– Как же не знать? Знаю, конечно. Хаживала туда грехи замаливать, когда молодая была.

– А что сейчас на том месте?

Видно, старушка соскучилась по общению или просто отличалась болтливостью, раз не спешила мне всего рассказывать.

– А ничего! Пустырь.

– А где этот пустырь?

– А зачем тебе понадобилось это богом забытое место, милая? – хитро прищурилась старушка.

Как же ответить, чтобы выглядело правдоподобно? Я и не подумала, что любопытство придется чем-то оправдывать.

– Понимаете, я писатель, – начала я свое вранье. – Пишу роман о старовегах. Для создания атмосферы мне нужно попасть в место, которое раньше считалось святым, прочувствовать дух веры...

– Да, какая ж там вера?! – всплеснула руками старушка, возводя глаза к потолку. – Там же варвары побывали, осквернили святое место!

– Так мне и нужно именно такое место, где поругались над верой, – samozабвенно врала я. – Это придаст необходимую глубину и трагичность роману.

– Ну, если трагичность, то ладно... – По голосу старушки я поняла, что она не очень-то и верит наскоро слепленной версии. – Тута оно, рядышком, место это... Сейчас выйдешь, пройдешь через скверик, потом обойдешь сторонкой две пятиэтажки, а можешь двориком пройти, и выйдешь на пустырь. Сразу поймешь, что попала в нужное место, крест там торчит из земли. Люди добрые воткнули, как памятник былой святости.

Поблагодарив старушку я направилась на поиски святой заброшенности, пытаюсь затолкать плохое настроение поглубже. Я отчетливо рисовала в воображении место, где раньше сто-

яла церковь. Мрачное со следами надругательства над верой... Ужасно не хотелось добавлять негатива к без того отвратительному настроению. Да, и что я там буду делать? Бестолково озираться по сторонам, в поисках места, где ненормальный мог зарыть клад? Я что металлоискатель? И точно не экстрасенс, который сразу бы сказал, есть там клад или нет, если есть, то где именно. А от меня-то какая польза?

Оказывается, я сильно ошибалась, представляя искомое место мрачным и заброшенным. Увидев стайку ребятишек, гоняющих мяч по залитой солнцем поляне, была приятно удивлена. Здесь не витал дух покинутости. Напротив, веселый детский смех настраивал на позитив.

Я сразу заметила крест в сторонке. Наверное, изначально он находился в центре пустыря, а потом его переместили, освобождая место для импровизированного футбольного поля с воротами, сколоченными из стволов деревьев. Тут даже стояли лавочки для зрителей, не иначе, как иногда проводят местные поселковые чемпионаты.

Незаметно на душе потеплело, и я присела на лавочку, стараясь освободить голову от негативных мыслей. Хотелось просто расслабиться, ни о чем не думая, окунуться в детство, хоть и посредством созерцания.

– И чего ты расселась? – услышала я злобное шипение и невольно зажала нос от успешного стать привычным запаха.

Я резко обернулась, но рядом никого не было. Вот, значит, как? Играем в прятки? Ну, тогда и я не стану отвечать!

– А ты что хочешь, чтобы я сейчас появился прямо тут? – насмешливо спросил голос призрака.

– И что? Тебя же, кроме меня, никто не может видеть? – не менее насмешливо спросила я, стараясь делать это незаметно, хотя на меня и так никто не смотрел.

Призрак замолчал, и я чуть не рассмеялась, представив его вытянувшееся от удивления лицо.

– Ладно, ладно, – плюхнулся он рядом на лавку. Я немного отодвинулась, дав возможность гулять свежему воздуху между нами. – Я тоже когда-то был человеком. И ни что человеческое мне не чуждо, в том числе и забывчивость.

– Ага, – кивнула я, не глядя на него. Куда приятнее было наблюдать за пацанами и делать вид, что ничего не происходит.

– Ты собираешься искать клад? – угрюмо спросил он.

– Интересно, как? Взять лопату, разогнать ей мальчик и перерыть весь пустырь? – Я не выдержала и повернулась к нему. – Соображаешь, что говоришь? Я тебе не экскаватор! И у меня нет лишних полгода, чтобы зависать здесь, в отличие от тебя! И с чего ты вообще взял, что клад может быть зарыт где-то здесь? Какой дурак будет прятать деньги в церкви, месте, которое считается святыней?

– Я!

Владимир ссутулился и исподлобья смотрел на маленьких футболистов.

– Ты не знаешь, где спрятал клад, – устало ответила я. Как же он мне портил настроение! Вносил такой дискомфорт в жизнь, когда становится неудобно от самой себя. – Ну... не знаю... Напрягись, вспомни... Может хоть какие-то мысли тебе подскажут, где может быть клад?

– Я сейчас...

Он пропал, а я вздохнула с облегчением, так как вместе с ним ушел и противный запах. Но думала все равно о нем. Как же ему должно быть тоскливо – сто лет бродить по земле, не имея возможности с кем-нибудь пообщаться. В душе шевельнулось что-то, похожее на жалость, и в голову полезли философские мысли. А заслужил ли он такое суровое наказание? И не грешен ли более тот, кто проклял его? Что он там говорил, что прокляла его мать друга? И что проклятым был клад? Не потому ли семья друга влачит жалкое существование, что мать наслала проклятие на голову человека? Или виноват клад?..

Я запуталась в попытке разобраться, кто прав, кто виноват. Одно поняла, как бы не согрешил человек, наказывать его подобным образом жестоко. Тем более он сам себя наказал, сведя счеты с жизнью.

– Тут что-то есть, – услышала я рядом с собой, а потом и увидела Владимира.

– С чего ты взял?

– Я кое-что проделал... Раньше у меня не получалось. Видно, помогает твое присутствие...

– Что не получалось?

Причем тут вообще я? Совершенно случайный человек, оказавшийся не в том месте, не в то время.

– Все эти годы я пытался искать клад, – с трудом проговорил Владимир. Выглядел он жутко усталым, если такое возможно с призраками. Буквально валился с ног, и на лице проступила неестественная серость. Я даже испугалась, что он сейчас прямо на моих глазах рассыплется прахом. – Я догадывался, что клад проклят, когда нашел его. И хорошо помню, что, пряча его, пытался оставить какие-то подсказки. Самому себе, когда захочу его выкопать вновь...

Только я могу пожалеть человека, слушая его признания в совершении подлости. Если до этого были только наметки сострадания, то сейчас я жалела Владимира откровенно. Он запутался при жизни, а после смерти еще сильнее. Совершенно опустившаяся в моральном плане личность.

– Я могу видеть на расстоянии, проникать взглядом под землю. И пытался раньше искать клад... – Владимир опустил на лавку, из груди вырывалось хрипкое дыхание. Серость проступила еще сильнее. – Но все было бесполезно. А сейчас получилось, понимаешь? – Он посмотрел на меня. – Я что-то почувствовал. Там что-то есть. – Он ткнул пальцем в землю.

Жалость как ветром сдуло, когда поняла, что поиски будут продолжены, и так легко он от меня не отвяжется.

– И что ты предлагаешь? – Руки чесались от желания врезать ему посильнее.

Ну, за что мне все это, а?! Почему я приехала именно сюда, остановилась в этом треклятом доме с призраком?! Чем я заслужила такое расположение высших сил?

Я отказываюсь искать этот злополучный клад! Не хочу и не буду! Злость заставила повернуться к Владимиру всем корпусом и заговорить, забыв о маскировке:

– Чего ты привязался ко мне?! Не хочу я искать клад, усек? Ты меня просто бесишь! Это твои грехи, твое проклятье. Причем тут я, вообще?!

– Ты плохо слышишь?

Видно, силы к нему возвращались достаточно быстро, раз на лице проступило традиционное презрение.

– Я же говорил, что сам не могу найти клад. Я даже удивляюсь, что что-то почувствовал сейчас. Безумно рад этому, а ты пытаешься все испортить. Не смей перечить мне! Иначе, я сделаю так, что вся твоя жизнь пойдет наперекосяк. Не сомневайся в моих способностях!

Какое злое и страшное у него лицо. Мне резко поплохело. Я поверила каждому слову. Он, ведь, действительно может сделать так, как говорит. И что тогда? Прощай все то, о чем мечтала? И бедный мой папа, дочь которого пострадает от злобного призрака.

На глаза навернулись слезы, и я резко отвернулась. Только не жалеть себя!

– Хорошо, я сделаю все, как ты хочешь. Только скажи, что нужно делать?

– Сейчас мне нужно подумать. Когда надумаю, дам знать...

Он исчез так же внезапно, как появился. На меня накатила апатия и обреченность. Интересно, сколько времени он мне даст на передышку? И чего в следующий раз потребует?

Солнце палило нещадно, но двигаться было лень. Я продолжала жариться, машинально недоумевая, как это у мальчишек, бегающих с непокрытыми головами, еще не случился солнечный удар.

Из-за дома вывернул мужчина и направился к футбольному полю. С удивлением я узнала в нем Германа. Он меня не замечал, выглядывая кого-то на поле. А когда заметил, равнодушно отвернулся и позвал:

– Леха! Лех! – он помахал рукой, и из ватаги мальчишек отделился один лет восьми и побежал в его сторону.

Я не слышала, о чем они говорят, находясь во власти обиды, да и далековато они находились. Не хочет замечать, не надо. Я тоже могу сделать вид, что не знакома с ним.

Я отвернулась, пытаюсь сосредоточиться на игре, хоть и мгновенно потеряла к ней интерес. Когда снова посмотрела в его сторону, мальчонки рядом не было, а Герман неспешно направлялся ко мне.

– Привет. Интересуешься любительским футболом? – спросил он с улыбкой, присаживаясь рядом.

Герман выглядел совершенно спокойным, без тени обиды на лице.

– Да, вот, гуляю, осматриваю достопримечательности, – ответила я первое, что пришло в голову.

– Нашла достопримечательность! – как-то очень по-мальчишески, заливисто, рассмеялся Герман. – Это пустырь ты так называешь?

– Ну, я была в библиотеке, а потом забрела сюда случайно. Вот и решила посидеть, отдохнуть. А что это за мальчик, которого ты звал?

– Мой брат – Леха. Я отправил его в кафе, пообедать. А то до вечера будет носиться голодным.

– А ты сегодня не работаешь? – не известно зачем спросила я. Наверное потому, что на обратном пути собиралась зайти в кафе, в глубине души рассчитывая увидеть там его.

– Работаю. У меня перерыв. Скоро пойду обратно.

– А я, наверное, пойду сейчас домой...

– А ты уже обедала? – вдруг спросил он.

– Нет. Так рано же еще.

Стоило только сказать, как появилось чувство голода не известно откуда. С другой стороны, почему рано-то? Время двенадцать. Если учесть, что в спешке я не допила даже утренний кофе, то самое время пообедать.

– Пойдем со мной. Света, это наш повар, приготовила отличное рагу, язык откусишь. Пообедаешь?..

Наверное, по моему лицу он догадался, что я проголодалась, раз на возражения не обратил внимания.

– Хорошо тебе, брат есть. А я – единственная дочь.

Мы шли по ореховой аллее. У них эти деревья растут повсюду. Я подобрала с земли круглый шершавый плод и вертела его в руках. Мне нравилось, как пах этот зеленый шарик – сладковатой свежестью. Орехи еще не успели, чтобы собирать их с дерева, но я знала, что если разломить этот шарик, внутри окажется мягкий белый плод, будущий орешек, сладкий и молочный на вкус. Когда мы с отцом отдыхали в этих краях, он демонстрировал мне, как растут и зреют орехи. Помню, пальцы у меня тогда долго были темно-коричневого цвета, от большого количества йода в молодых плодах.

– Леха – мой младший брат. Еще есть Санька и Ксюха, – улынулся Герман.

Ничего себе, два брата и сестра! Большая же у него семья. Всегда завидовала тем, у кого есть родные братья и сестры. У меня есть только двоюродная сестра, и та живет далеко, на Севере. Видимся не чаще раза в два года, когда она приезжает в отпуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.